

O. M. Nazarenko

THE COMMUNICATIVE ACTIVITY OF THE ADDRESSER IN THE TEXT DIALOGUE CATEGORY REPRESENTATION

The article deals with the factor of the newspaper text addresser working in the manner of inner text dialogue. The author analyzes the types of addressers and the category of subjective modality.

Key words: newspaper text, addresser, subject-text interaction.

O. H. Назаренко

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДРЕСАНТА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ

В статье рассматривается фактор адресанта газетного текста в репрезентации внутритекстовой категории диалогичности. Проанализирована позиция автора журналистского материала; учитывая формы его выражения, описаны типы адресантов, прослежена связь с категорией субъективной модальности.

Ключевые слова: категория диалогичности, газетный текст, адресант, субъектно-текстовое взаимодействие.

УДК 811.161.1'42:7.045:821.161.1—14

Т. Е. ХАРИСОВА

**ТУРГЕНЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. А. БЛОКА
«ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ...»**

Статья посвящена описанию тургеневской традиции в стихотворении А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре...»; доказывается значимость тургеневских элементов для построения главных образов лирического целого.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзия, тургеневская традиция, А. А. Блок, символизация, лирическое целое.

Известно, что стихотворение «Девушка пела в церковном хоре...» (август 1905), помещённое Блоком в раздел «Разные стихотворения» (1904—1908) второй книги «трилогии вочеловечивания», является одним из ключевых текстов, реализующих блоковскую «идею пути».

Создавая свой шедевр, Блок, по нашему мнению, использовал художественный опыт И. С. Тургенева, автора рассказа «Касьян с Красивой Мечи», входящего в сборник «Записки охотника». Думается, из описания главного персонажа этого рассказа — диковинного Касьяна — Блок позаимствовал поэтические краски для анализируемого стихотворения. Прочитываем тургеневский текст: «Странный старичок говорил очень протяжно. *Звук его голоса также изумил меня. В нём не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен*» [6, 4, с. 118; курсив здесь и далее наш]. Актуализация эпитетов, относящихся к звуку голоса Касьяна, ведёт нас к образу упомянутой блоковской *девушки*, поющей в церковном хоре, у которой «И голос был *сладок*» [4, 2, с. 72]. Любовь Касьяна к пению, к песне — и природной, и человеческой — не раз подчеркнута в изложении. Например: «...поршок полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку» [6, 4, с. 122]. И в другом месте рассказа: «Он... рассеянно глянул и запел потихоньку» [6, 4, с. 129]. Вообще *музыкальность* Касьяна постоянно подчёркивается в тургеневском тексте: «...в самом звуке его голоса, когда он говорил с ней, была неизъяснимая, страстная любовь и нежность» [6, 4, с. 130]; или: «Поёт, однако, хорошо» [6, 4, с. 130]. Причём, по словам кучера Ерофея, поёт Касьян «этак важно». Последняя характеристика пения Касьяна позволяет вновь — по сему «торжественно» — связать тургеневский и блоковский тексты. Ведь девушка поёт в церковном *хоре*, то есть её песня по своему пафосу значительная и высокая: её внимательно слушают люди, этой песне верят, она вселяет надежды на лучшее. Подобно тому, как Касьян предстаёт в рассказе Тургенева освещённый лучами солнца, так из всего хора именно на эту девушку падает луч солнца: «И луч сиял на белом плече»; «Как белое платье пело в луче»; «...и луч был тонок» [4, 2, с. 72]. В памяти Блока могла остаться и дочь Касьяна, Аннушка, девушка лет «тринадцати или четырнадцати», «красивое личико», «хорошенькая» [6, 4, с. 129, с. 131]. Можно предположить, что контаминация *удивительно сладкого, молодого и почти женски нежного*» [6, 4, с. 118] голоса Касьяна со «стройной и ловкой» Аннушкой,

«поразительно сходной с лицом самого Касьяна», привела к рождению образа блоковской девушки из церковного хора с «голосом сладким».

Ещё одним доказательством соотнесённости тургеневского текста с этим блоковским и с его другим, ранним («Гамаюн, птица вещая», 1899), может служить упоминание Касьяном легендарной птицы Гамаюн в рассказе о степных раздольях за Курском. Не случайно Касьян называет эту птицу «сладкогласной». По сладости гамаюнов голос соотносится с голосом тургеневского Касьяна и голосом блоковской девушки, поющей в церковном хоре. Характерно, что все три образа: Касьяна, блоковской девушки, птицы Гамаюн, — кроме «сладкого голоса», объединяет женское начало. О женском элементе в образе Касьяна уже было сказано. Птица же Гамаюн, как известно, пришла из персидской мифологии и изображалась с женской головой и грудью. Примечательно, что сам Касьян в своём рассказе о благодатных землях за Курском подобен сладкогласной птице Гамаюн, живущей у самого моря. «А то за Курском, — певуче выговаривает он, — пойдут степи, этакие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать!» [6, 4, с. 128]. И далее сладкоречиво льётся его речь о блаженных для человека местах: «И идут они (степи — Т. Х.), люди сказывают, до самых тёплых морей, где живёт птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живёт всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошёл...» [6, 4, с. 128]. Не этот ли дифирамб иной, идеальной жизни, пропетый *удивительно сладким, молодым и почти женски нежным* голосом, вдохновил Блока на создание стихов, посвящённых народной вере в сладкий голос девушки, в то, что в итоге всё будет хорошо, что каждый будет по-своему счастлив? У Блока читаем: «И всем казалось, что радость будет, / Что в тихой заводи все корабли, / Что на чужбине усталые люди / Светлую жизнь себе обрели. / И голос был сладок...» [4, 2, с. 72].

При всех житейских невзгодах, выпавших на долю Касьяна (после переселения с Красивой Мечи на новые места), его рассказ о праведной, счастливой земле, его любовь к природе, к дочке, его *удивительно сладкий, молодой и почти женски нежный* голос, — словом, эта странная, чудаковатая и поэтическая натура рождает в душе читателя оптимизм, веру в жизнь, в лучшее на земле. Рассказ по своему пафосу солнечный, светлый, его мрачное начало (похороны крестьянина) лишь усиливает — по контрасту — мажорное звучание последующего повествования о Касьяне.

Примечательно, что в семье Бекетовых, где рос «Сашурочка», велась тетрадь «Касьян», куда сёстры Бекетовы (в их числе и мать Блока) раз в четыре года заносили самые важные события из жизни этого дворянского рода. Зная любовь старших Бекетовых к Тургеневу, можно предположить, что имя «Касьян» для тетради было выбрано ими под влиянием чтения «Записок охотника» [5, с. 134].

Между тем, концепция национальной жизни в блоковском стихотворении принципиально иная: она трагична: «И только высоко, у царских врат, / Причастный тайнам, — плакал ребёнок / О том, что никто не придёт назад» [4, 2, с. 72]. Как пишет С. А. Небольсин, «Причастный тайнам... ребёнок в предпоследней строке... у Блока выступает всезнающим, но бессильным свидетелем трагедии» [4, 2, с. 322]. Напротив, трагических элементов в описании Касьяна и в его мировоззрении нет. Думается, что образ плачущего ребёнка в стихотворении Блока также восходит к тургеневскому тексту: к описанию ребёнка в романе «Новь» (1876). В этом романе имеется развёрнутое изображение русской мануфактуры, её территорий, в которых преобладает «небрежность, грязь, копоть» (глава XVI). Дальше читаем: «...В уголку под забором сидит мальчик лет четырёх, с огромным животом и взъерошенной головой, весь выпачканный в саже, — сидит и безнадежно плачет, словно оставленный целым миром...» [6, 12, с. 109—110]. Здесь важно противопоставление «целого мира» и забытого, брошенного им мальчика, четырёхлетнего ребёнка, который «безнадежно плачет». Комбинация мотивов — ребёнок, целый мир, которому и дела нет до малыша, его плач, причём безнадежный, горестный, без шанса на внимание со стороны «целого мира» — ведёт нас к заключительной строфе названного блоковского стихотворения. Действительно, и у Блока плач ребёнка безнадежный, и у Блока ребёнок противоположен всему людскому миру, который слушает пение девушки, не обращая никакого внимания на плачущее «у царских врат» маленькое существо, как равнодушна рабочая масса к страданиям ребёнка в тургеневском романе. Между тем плач ребёнка у Блока имеет трагический смысл, ибо этот ребёнок причастен «тайнам», его плач — это уже символ того, «что никто не придёт назад». Блоковский ребёнок — символичен, тургеневский — реалистичен. Вместе с тем в тургеневском описании подзаборного мальчика слышен безнадежный плач, сопряжённый с образом «целого мира», то есть *всего людского мира*, оставившего ребёнка безо всякого внимания. Этот «целый мир», преображаясь в стихотворении Блока, получает символическое звучание, он развёртывается в такой строфе: «И всем казалось, что радость будет, / Что в тихой заводи все корабли, / Что на чужбине усталые люди / Светлую жизнь себе обрели». В стихотворении Блока «целый мир» — это и те, кто в церкви слушает пение девушки, и плавающие на кораблях, и усталые люди чужбины, и все те, которые «забыли ра-

дость свою). Тургеневський «целый мир» получает у Блока конкретизацию в отдельных образах, а образ «безнадёжного плача», теряя свой индивидуальный, частный смысл, приобретает всеобщий (символический), обращённый ко всем людям: как на родине, так и на чужбине. Думается, что символические возможности, заложенные в образе плачущего тургеневского ребёнка, словно оставленного целым миром, получают дальнейшую художественную жизнь в стихотворении А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре...».

Оба тургеневских образа: из рассказа «Касьян с Красивой Мечи» и романа «Новь», — по своему отражённых в блоковском стихотворении «Девушка пела в церковном хоре...», имеют общую сему 'мальчик'. Дело в том, что пятидесятилетний Касьян при первом взгляде на него напоминает охотнику мальчика: «По самой середине ярко освещённого двора... лежал, лицом к земле и накрывши голову армяком, как мне показалось, *мальчик*» [6, 4, с. 118]. Итак, все три фрагмента: из рассказа и романа Тургенева и стихотворения Блока — объединены образом «мальчика-ребёнка», что ещё раз доказывает присутствие указанных тургеневских текстов в художественном мире блоковского стихотворения.

Следует отметить, что к маленькому страдальцу безучастны и народные поборники, Нежданов и Маркелов, наблюдающие из флигеля Соломина фабрику и её дворы и обсуждающие «неряшливость русскую», но не ребёнка в слезах. Заметим, что сам Соломин, находившийся в это время в главном фабричном корпусе, а не у себя во флигеле, вряд ли бы оставил без внимания плачущего «в уголку» ребёнка. В романе именно с Соломиным связан мотив помощи ребёнку, мальчику. Так, он говорит Марианне, жаждущей пожертвовать собой ради облегчения жизни народа: «...а пока — ребёночка вы поможете или азбуку ему покажите...», «...по-моему, шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую не многие способны» [6, 12, с. 221]. Думается, что положительность Соломина, любовь к нему автора и Марианны определяется и этим детским мотивом.

Важность эпизодического образа ребёнка для понимания авторской позиции в романе «Новь» подсказывает заглавие. Четырёхлетний малыш — и есть та новь, то будущее России, которому сочувствует Соломин и ради которого идут в народ Маркелов, Нежданов, готова пожертвовать собой Марианна. Однако, если Соломин внимателен к детям, то Нежданов и Маркелов не понимают важности помощи ребёнку. В контексте «Нови» образ безнадёжно плачущего малыша получает дополнительное значение, символизируя катастрофу самого движения в народ. Нежданов, застрелившись, самоустраивается от борьбы; а Маркелова ждёт суровое уголовное наказание. Остродумова убивают, Соломин, Марианна и Машурина уже никогда не вернутся назад, на фабрику купца Фалалеева, где жил и трудился Соломин.

Таким образом, анализ текстов стихотворения А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре...», рассказа И. С. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи» и его же романа «Новь» свидетельствует о том, что между их героями много общего. Блоковские образы *девушки в белом* и *плачущего ребёнка* навеяны, в известной мере, тургеневскими образами *Касьяна* и *его дочери* из рассказа «Касьян с Красивой Мечи» и *рыдающего малыша* из романа «Новь».

1. Авдеева В. И. «Таинственные повести» И. С. Тургенева в истории отечественного литературоведения: дипломная работа / В. И. Авдеева. — Ставрополь, 2007. — Режим доступа: <http://www.allbest.ru/>

2. Айхенвальд Ю. Тургенев [Текст] / Ю. Айхенвальд // Силуэты русских писателей. — М.: Республика, 1994. — Вып. II. — С. 255—262.

3. Астман М. Тургенев и символизм [Текст] / М. Астман // Записки русской академической группы США. — New-York, 1983. — Т. XVI.

4. Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. [Текст] / А. А. Блок. — М.: Огонёк, 1971.

5. Минц Э. Г. Блок и его предшественники [Текст] / Э. Г. Минц. — СПб.: Искусство, 2000. — 784 с.

6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. [Текст] / И. С. Тургенев — М.—Л.: Наука, 1966. — Т. 4, 12.

Т. Г. Харисова

ТУРГЕНЄВСЬКІ ТРАДИЦІЇ У ВІРШІ О. О. БЛОКА «ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ...»

Статтю присвячено описові тургеневської традиції у вірші О. О. Блока «Девушка пела в церковном хоре...»; доводиться значущість тургеневських елементів для побудови головних образів ліричного цілого.

Ключові слова: інтертекстуальність, алюзія, тургеневська традиція, О. О. Блок, символізація, ліричне ціле.

T. Ye. Kharisova

TURGENEV'S TRADITIONS IN A.A. BLOCK'S POEM «ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ...» («The girl was singing in the choir...»)

The article deals with the description of Turgenev's traditions in A. A. Block's poem «Девушка пела в церковном хоре...» («The girl was singing in the choir...»). It shows the meaning of Turgenev's elements for the formation of the principal characters of the lyrical single whole.

Key words: intimation, Turgenev's traditions, A. Block, symbolization, lyrical single whole.